

УДК 339.7 (045)

СОВЕТ ПО ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ КАК ЧЕТВЕРТАЯ ОПОРА ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ*

СИЛЬВЕСТРОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, Заслуженный экономист РФ,
заведующий кафедрой «Мировая экономика и международный бизнес», Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены обстоятельства и условия создания Совета по финансовой стабильности (СФС, англ. – *Financial Stability Board*) как преемника Форума финансовой стабильности; основные принципы, сферы и направления деятельности Совета, в том числе в увязке с глобальными финансовыми институтами, и перспективы последующей институционализации СФС в соответствии с решениями Группы двадцати (G20) на Санкт-Петербургском саммите в 2013 г. Проанализированы области взаимодействия СФС с Международным валютным фондом, Всемирным банком, Банком международных расчетов и международными организациями, устанавливающими стандарты в области финансов. Раскрыто содержание и очерчены контуры регулятивной реформы, на реализацию которой направлена деятельность СФС. В основных чертах описаны перспективы институционализации СФС, возможные последствия этого процесса и возникающие нерешенные проблемы развития международных финансовых отношений между различными группами стран. Предпринята попытка создания целостной картины реформирования системы регулирования международных финансовых отношений, осуществляемого в рамках борьбы с финансово-экономическим кризисом, разработки теоретических и прикладных проблем регулирования международных финансовых рынков, согласования финансовых политик и координации деятельности национальных и наднациональных финансово-экономических институтов. **Ключевые слова:** стратегические риски; глобальная финансовая система; международные финансовые организации; G20; МВФ; Всемирный банк; ОЭСР; Фонд финансовой стабильности; Банк международных расчетов; Всемирная торговая организация.

THE FINANCIAL STABILITY BOARD AS THE FOUR PIER OF THE GLOBAL FINANCIAL SYSTEM**

SERGEI N. SILVESTROV

ScD (Economics), Professor, Honored Economist, Head of the World Economy and International Business Chair, the Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper considers the circumstances and conditions for establishing the Financial Stability Board (FSB) as the successor of the Financial Stability Forum, the basic principles, the scope of the Board's activities, particularly aligned with global financial institutions, and the prospects for the subsequent institutionalization of the FSB in accordance with resolution of the Group of Twenty (G-20) at the St. Petersburg Summit in 2013. The areas of interaction between the FSB and the International Monetary Fund, the World Bank, the Bank for International Settlements and international standard-setting organizations in the field of finance are analyzed. The content and outlines of the regulatory reform to be implemented by the FSB are highlighted. The Board's institutionalization

* Статья подготовлена по результатам научных исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2014 г.

** The paper is based on the findings of the budget-funded research carried out under the State Assignment of the Financial University for 2014.

prospects, possible consequences of this process and emerging pending problems concerning development of international financial relations between different groups of countries are discussed in general terms.

An attempt is made to create an integrated picture of reforming the system of international financial relations management implemented within the framework of combating the financial and economic crisis, development of theoretical and applied problems in the regulation of international financial markets, harmonization of financial policies and coordination of national and supranational financial and economic institutions.

Keywords: strategic risks; global financial system; international financial institutions; G-20; IMF; World Bank, OECD, Financial Stability Fund; Bank for International Settlements, World Trade Organization.

Ослабленное либерализацией международное регулирование экономических, в частности валютных и финансовых, отношений и имеющиеся дисбалансы в финансовом секторе стали основополагающими причинами мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

Огромные средства, изъятые из бюджетов практически всех стран мира и направленные на меры антикризисного порядка в мировой финансовой системе, породили опасения, что при повторении финансового кризиса, но в условиях имеющейся длительной мировой рецессии, выход из которой прогнозируется примерно к 2020 г., ликвидировать его за счет государственных ресурсов станет попросту невозможным.

Очевидной стала необходимость перехода к дирижизму и создания такой системы надзора и регулирования финансового сектора, назначением которой должно быть не только предотвращение возникновения кризисов в мировом масштабе, но и содействие бескризисному функционированию ее в предсказуемом будущем.

Эту задачу G20 возложила на переформатированный Фонд финансовой стабильности (ФФС) в Совете по финансовой стабильности (СФС), с расширенным мандатом и новыми компетенциями. Он создан для обнаружения уязвимых мест в глобальной системе стандартов финансовой отчетности и быстрого оказания помощи мировым разработчикам стандартов.

Круг членов СФС подтверждает важность намерений Совета и масштабность реформ мировой финансовой системы.

Ключевыми функциями СФС являются осуществление мониторинга ситуации на финансовых рынках, обнаружение кризисных явлений на ранних стадиях их

возникновения, в том числе через сотрудничество с существующими международными институтами, разработка и применение регулирующей и надзорной политики, обеспечивающей нормативное единство в финансовом секторе.

Приоритетными направлениями деятельности СФС являются:

- утверждение приверженности международным принципам экономического регулирования и финансового надзора;
- формирование стандартов достаточности капитала и ликвидности;
- изменение практик в области компенсационных выплат;
- совершенствование рынка производных финансовых инструментов;
- «мягкий» контроль над деятельностью системообразующих институтов;
- перенастройка стандартов финансовой отчетности;
- создание системы макропруденциального надзора;
- регулирование операций хедж-фондов;
- лицензирование деятельности рейтинговых агентств;
- внедрение более надежных практик секьюритизации;
- мониторинг «теневых» банковского бизнеса.

Изначально СФС наделялся функциями параллельными или аналогичными функциями, выполняемым другими организациями. Например, международный валютный фонд (МВФ), находясь в тот период под огнем критики по поводу несовершенства работы его экономических комитетов, не сумевших предсказать время наступления кризиса и его масштабы, согласился на передачу своей функции регулирования финансовой стабильности G-20, которая как

бы избрала ФФС/СФС исполнительным органом для достижения поставленной задачи. В компетенцию СФС в соответствии с мандатом, например, передана принадлежащая МВФ функция макропруденциального надзора. Ему же переданы функции по определению мер воздействия на «теневую» банковскую систему, рынок деривативов (англ. *derivative* — договор, контракт), организацию обмена финансовой информацией. СФС ведет также работу по вопросам совершенствования норм финансовой отчетности, чем сейчас занимается Банк международных расчетов (БМР), и по вопросам контроля над упрощением стандартов финансовой отчетности, разрабатываемых совместно с Советом по Международным стандартам финансовой отчетности (МСФО) и американским Советом по стандартам, в целях достижения единства в подходах составления отчетности.

Объявленные СФС меры политики экономического регулирования и финансового надзора включают в себя:

- разработку нового международного стандарта в качестве исходной точки для реформ национальных причин кризиса, разработку и внедрение методов определения и предупреждения новых тенденций его развития;
- роль международных финансовых организаций и их значение в регулировании и надзоре;
- достаточность капитала финансовых организаций, размер финансового левериджа;
- систему риск-менеджмента и макропруденциальный надзор;
- отношение к рейтинговым агентствам;
- взаимодействие национальных регуляторов и с международными финансовыми организациями;
- противодействие процикличности;
- прозрачность финансовых рынков;
- отношение регуляторов к финансовым инновациям;
- отношение к внебиржевым производным инструментам;
- пути введения «теневого» банковского сектора в систему наднационального и национального регулирования.

Неполный перечень вопросов показывает: во-первых, по некоторым из них неизбежно возникнут противоречия — насколько одни будут согласны делиться с другими (СФС) своими полномочиями и функциями; во-вторых, как классифицировать воздействие новых идей в регулятивной системе, воплощаемых в финансовой сфере, на глобальную экономическую систему в целом. При том что G20 проблемы реальной экономики активно не рассматривала, все главы государств, принимавшие участие в Лондонском, Вашингтонском, Санкт-Петербургском саммитах, имеют ясное понимание тесной взаимосвязи финансовой системы и реального сектора глобальной экономики.

Обозначенные выше вопросы в современных условиях, которых достигла глобализация в сфере реального сектора, в сфере финансов, представляется невозможным решить без изучения изменений и модификации проявления экономических закономерностей. Эта модификация проявления экономических закономерностей в целом подтверждает основные положения теории циклов, что приводит к исчерпанию возможностей традиционно используемых инструментов государственного регулирования, надзора.

Попробуем разобраться, в какой степени СФС удастся обеспечивать распространение единых принципов регулирования в отдельных регулятивных юрисдикциях или, другими словами, переводить регулирование на рельсы регулятивной интернационализации. Способна ли интернационализация регулирования минимизировать рискогенность финансово-банковского сектора, снижая тем самым кризисогенность макросреды как следствие миграции и мультипликации рисков? И существуют ли пределы (границы) синхронизации регулятивных правил и стандартов в рамках процесса интернационализации их основных аспектов и объектов?

Реформа финансового регулирования — основная задача международных финансовых институтов, где Совету отводится всевозрастающая роль. Регулятивная реформа и ее интернационализация при содействии СФС

распространяются практически на все сферы межинституциональных отношений на финансовом рынке, в том числе при помощи:

- расширения информационной базы механизма регулирования и управления системными и операционными рисками¹;
- мер по обеспечению большей прозрачности банковской деятельности с целью снижения субъективизма в понимании и оценке уровня риска и возможных угроз, в том числе относящихся к внебалансовым операциям (производным финансовым инструментам — деривативам; секьюритизации активов) и справедливой оценке активов в условиях рыночной волатильности²;
- изменения роли специализированных рейтинговых агентств, в том числе снижения чрезмерной и механистической зависимости делового сообщества и регуляторов от кредитных рейтингов, используемых для оценки финансовой состоятельности банков;
- усиления ответственности регулирующих органов и финансовых институтов по качеству управления рисками³ на основе обмена информацией с целью более тесной координации в рамках реформы регулирования и поиска новых путей и механизмов повышения его эффективности, включая вопросы урегулирования нестабильности на

микроуровне и несостоятельности кредитных институтов;

- повышения стрессоустойчивости кредитных институтов и финансово-банковского сектора в целом на основе распространения регулятивного пространства на теневой банковский бизнес.

Новая регулятивная реальность окажется кратковременным, преходящим явлением, если продолжит сосуществовать с устаревшей структурой регулятивных институтов. При этом наибольшие потребности в архитектурной перестройке потребовала реформа в ЕС, включая страны Еврозоны, в том числе в связи с планируемым переходом к созданию общеевропейского банковского союза, основанного на едином, наднациональном регулировании трех основных аспектов, составляющих фундамента финансовой стабильности, — системообразующих банков, системы страхования вкладов и урегулирования нестабильности отдельных кредитных институтов⁴.

В этой связи задачи СФС по координации реформы дополняются институциональными аспектами регулятивного континуума, в ходе которой ему предстоит разрешить противоречия, связанные с национальными регулятивными амбициями, из чего вытекает повышенная рискогенность банковского сектора. СФС предстоит также помочь странам Еврозоны наверстать время, упущенное на бесконечных панъевропейских дискуссиях о путях и механизмах реформы (вплоть до 2012 г.), что явилось следствием дисбаланса между национальным характером регулирования и надзора, с одной стороны, и масштабами и сложной структурой финансового рынка стран Еврозоны, с другой стороны. В целом успехи реформы могут быть достигнуты через дефрагментацию финансового рынка, в том числе посредством институциональной реструктуризации и оптимизации распределения и пределов наднационализации регулятивных институтов.

Как представляется, указанные обстоятельства могут в некоторой степени нарушить

¹ Одним из столпов новой парадигмы раскрытия информации финансово-кредитными институтами и системами информационного обмена на уровне регуляторов должна стать система Международного (глобального) идентификатора (идентификационные коды) юридических лиц (*Global Legal Entity Identifier System, GLEIS*, часто используется сокращенная аббревиатура *LEI*), состоящая из операционных (идентификационных) центров в национальных юрисдикциях — участниках системы, интегрированных в общую систему [1]. Данное нововведение позволит отследить принадлежность и историю любых операций на финансовом рынке, осуществленных конкретными юридическими лицами [2]. В рамках реализации поручений G-20 и в соответствии с рекомендациями СФС функциональная ответственность в части *LEI* возложена на Регулятивный комитет (*The LEI Regulatory Oversight Committee*) [3], образованный в январе 2013 г.

² Необходимо отметить, что процесс перехода на расширенное раскрытие информации начался с системообразующих банков (глобальных и национальных), которые, тем не менее, оказались фактическим тормозом данной регулятивной инновации: лишь 34% банков из всех опрошенных в 2012 г. раскрыли информацию в соответствии с рекомендациями Специализированной комиссии по координации процесса более полного раскрытия информации (*Enhanced Disclosure Task Force, EDTF*) [4].

³ В ходе экспертного исследования качества и пределов управления рисками в 20 международных банках выяснилось, что разная методология оценки риска (в основном оценки активов, взвешенных с учетом риска) фактически является главным фактором различий уровня риска (до 20% в исследованной группе), ввиду чего оказываются размытыми границы рискообразования.

⁴ Из данной триады задач решен вопрос лишь в части регулирования системообразующих банков Еврозоны, которое планировалось передать Европейскому центральному банку (ЕЦБ) в ноябре 2014 г.

желанную синхронизацию регулятивной трансформации в странах Еврозоны и других странах с активной реформаторской позицией, что может развернуть конъюнктуру банковского сектора ЕС в сторону повышенной рискогенности, а в случае ухудшения состояния и динамики макросреды — и кризисогенности. СФС, будучи органом координации реформы, но не имеющим инструментов административного вмешательства из-за отсутствия достаточного правового статуса самостоятельного формального института (так называемый «регулятор без портфеля»), может лишь довольствоваться функцией посредника и координатора.

Принимая во внимание совокупность задач СФС по синхронизации банковского регулирования, а также сохраняющиеся различия в экономической динамике национальных юрисдикций, стратегия регулятивной интернационализации будет всецело зависеть от того, сможет ли СФС (до предоставления ему дополнительных полномочий и окончательной институционализации) превратить подготавливаемые инструменты регулирования в некое подобие панацеи от системных кризисов. Особенно остро данный вопрос стоит на повестке дня регулятивной и институциональной интеграции в ЕС. Его решение зависит и от ряда других факторов, например единой фискальной политики, которая наряду с единой политикой страхования банковских вкладов сможет придать регулятивной реформе некоторую завершенность, снизив тем самым зависимость регулятивной политики от органов государственного управления.

К той же категории задач СФС относится и вопрос регулятивного национализма, который далек от разрешения даже в рамках интеграционных экономических объединений/союзов. Несбалансированность финансовых систем отдельных национальных юрисдикций, существенные различия конъюнктуры и различная степень «интернационализации» их финансовых рынков, а также разнообразие моделей банковского сектора и особенности банковского бизнеса являются объективным тормозом для задуманной реформы.

Реализация задач, стоящих перед СФС, и перспективы трансформации его статуса зависят от того, насколько успешно удастся справиться с тремя важными аспектами реформы финансового регулирования.

Первый аспект. Пути превращения системообразующих финансовых институтов в кредитные институты, угроза нестабильности/неплатежеспособности/несостоятельности/банкротства, которых оказывала бы минимально допустимое влияние на состояние и динамику рынка и национальной экономики/экономики региона в целом. А это, в свою очередь, способствовало бы нейтрализации рисков на микроуровне, их трансформации в системные риски и последующей миграции.

К настоящему времени понятие системообразующего финансового института с точки зрения целей и задач реформы регулирования финансово-банковского сектора претерпело значительное расширение: помимо кредитных институтов (банковских/финансовых холдинговых компаний/групп) национального масштаба с совокупным объемом консолидированных активов свыше 50 млрд долл., в данную категорию включены также и глобальные системообразующие банки (*Global systemically important banks, G-SIBs*), небанковские системообразующие институты (*nonbank SIFI*), в том числе страховые компании (*Global systemically important insurers, G-SII*); разработка методологии по определению минимально допустимых ключевых показателей деятельности (активы, доходы, оборот), необходимых для обеспечения финансовой устойчивости в случае убытков. Концептуализация страховых компаний с точки зрения их отнесения к категории системообразующих институтов осложняется значительным их разнообразием по структуре и диверсификации основной деятельности.

В этом же ряду остается открытым вопрос о нейтрализации влияния возможной нестабильности/убытков от деятельности глобальных системообразующих банков. Упомянутые риски, исходящие от национальных

системообразующих банков, усиливаются разной режимностью надзора национальных юрисдикций, на рынках которых осуществляют деятельность их операционные подразделения. Вполне вероятно, что одной из мер по обеспечению долгосрочной динамической стабильности глобальных банков станет норматив достаточности капитала, превосходящий минимальные требования к национальным системообразующим банкам. Это должно обеспечить уверенность других участников рынка в отношении его макроэкономической устойчивости. Помимо количественных инструментов регулирования состоятельности глобальных игроков, потребуются ряд превентивных мер организационно-экономического характера, основанных на оперативном выявлении рисковенных факторов и мероприятий по эффективному разрешению кризисной ситуации⁵ (по аналогии с планами по преодолению гипотетического кризиса⁶, внедренными в регулятивную практику США в 2012 г.) согласованными усилиями регуляторов национальных/региональных юрисдикций, в сферу надзора которых входят соответствующие территориальные подразделения глобально системообразующего банка.

Второй аспект. Трансформация теневого банковского бизнеса в прозрачный сегмент финансового рынка со стрессоустойчивым механизмом функционирования, основанного на принципах свободного рынка. С учетом чрезвычайной масштабности неподнадзорного пространства вполне очевидно, что процесс экстенсивного расширения регулирования растянется во времени. СФС как высшему органу инициации, координации и реализации регулятивной реформы необходимо будет взвесить предполагаемые и ожидаемые издержки и последствия регулятивной корректировки. Первый этап переходного периода (по состоянию на май

2014 г.) ознаменовался следующими особенностями:

- концептуализацией основ информационного обеспечения регуляторов, включая межведомственный обмен информацией на регулярной основе, необходимого для выработки фундамента расширения регулятивного пространства;
- пониманием масштабов и глубины рискообразования, а также пределов распространения рисков, в том числе в связи с осуществлением банками — субъектами регулирования прямых инвестиций в капитал финансовых институтов теневого банковского бизнеса;
- пониманием степени влияния (побочного эффекта) нерегулируемого сегмента финансового рынка на ход и эффективность регулятивной реформы.

При этом ожидается, что, начиная с 2015 г., СФС будет осуществлять мониторинг (а в некоторых случаях — и выборочную проверку) исполнения национальными регуляторами решений по переходу к полному регулятивному покрытию и операционной поднадзорности. Вместе с тем не совсем ясно, сможет ли СФС в рамках наделенных полномочий добиться синхронизации исполнения решений, принимая во внимание рекомендации Базеля III учитывать национальные особенности банковского сектора и риски применения новой регулятивной парадигмы, которые в итоге могут отразиться на качестве реформы и незавершенности мероприятий, призванных обеспечить стрессоустойчивость кредитных институтов.

Третий аспект. Снижение волатильности рынка производных инструментов финансового рынка (деривативов) с целью минимизации его воздействия на состояние и динамику первичного рынка финансовых инструментов/ продуктов/услуг.

Данная задача является, пожалуй, одной из наиболее сложных в реформационном поле ввиду фактической невозможности установления хотя бы приблизительного размера вторичного финансового рынка, который оценивается, согласно разным источникам, от 610–650 до 900–1000 трлн долл., из которых лишь 24 трлн приходится

⁵ *Resolvability Assessment Process*. Применение данного регулятивного рычага (с 2015 г.) будет зависеть от результатов всесторонней оценки количественных характеристик последствий применения особых надзорных стандартов капитала, смоделированных в отношении 29 глобальных системообразующих банков (количество банков данной категории указано по состоянию на 1 ноября 2013 г. в соответствии с ежегодным уточнением списка), на состояние и динамику финансово-банковского сектора и макроуровня.

⁶ *Resolution plans* (известные так же как *Living Wills*).

на прозрачные операции, оформляемые как биржевые сделки.

Регулятивное управление огромной массой бесконтрольных внебалансовых операций банков потребует многоходовых процессов и решений, которые, по мнению СФС, необходимо начать с разработки количественных стандартов капитала, увязанных с потенциальным риском. Вместе с тем пока остается открытым вопрос, как будет осуществляться централизованный клиринг в случае, если операции с деривативами осуществляются в разных регулятивных юрисдикциях. Кроме того, начиная с мая 2014 г., до согласования концепции регулирования операций с деривативами, СФС разрабатывает механизм доступа национальных регуляторов к агрегированной информации по деривативам. Она должна стать инструментом мониторинга за состоянием финансовой стабильности.

Немаловажным фактором снижения рискогенности процесса финансовой глобализации является международная синхронизация структуры финансовых рынков (дефрагментация), от которой в немалой степени зависит синхронизация регулятивных механизмов национальных юрисдикций, а также достижение единых регулятивных правил и надзорных стандартов в перспективе. В связи с отсутствием единых принципов функционирования рынков их фрагментация и соответственно дифференциация регулятивных политик, стратегий и механизмов остаются в числе основных условий регулятивного арбитража. Кроме того, фрагментация является основным демотиватором международной реформы регулирования и преимуществ регулятивной глобализации и вступает в противоречие с тенденцией к унификации технологической платформы банковской деятельности и растущей взаимозависимостью национальных экономик.

Как представляется, противоречия фрагментированных рынков могут быть в некоторой степени нивелированы посредством проведения согласованной регулятивной политики рядом национальных юрисдикций (например, с тождественными размерами экономики, схожими особенностями

банковского сектора, аналогичными проблемами регулятивной реформы). Вместе с тем важнейшим вопросом рискогенности являются различные регулятивные стандарты для разных групп банков и банков разных стран. Ключом к соглашению регулятивного разнообразия может стать классификация глобальных системообразующих банков по ряду параметров, на основе которых их регулирование можно было бы перевести на консолидированную основу. Возможно, перед этим потребуются сформировать новый взгляд на основные аспекты их деятельности, включая пересмотр операционных моделей⁷, планов по распределению капитала (включая выплату дивидендов и обратный выкуп с рынка собственных акций), а также целевых установок показателя доходности капитала (ROE).

Усилия по дерискизации в финансовой сфере окажутся малопродуктивными, если международные регуляторы не осознают необходимость приведения к общему знаменателю процессов урегулирования несостоятельности глобальных системообразующих банков. Дело в том, что механизм урегулирования основан на индивидуальных подходах национальных регуляторов, в то время как деятельность глобальных банков осуществляется одновременно в нескольких юрисдикциях; при этом отсутствует согласованный подход. В настоящее время основным инструментом урегулирования является реструктуризация банковских обязательств (чтобы не допустить использования средств из централизованных источников) путем списания и/или конвертации незастрахованной их части в капитал для целей докапитализации кредитного института.

Синхронизация регулятивных политик и подходов в этой сфере, по мнению СФС, способствовала бы признанию долга, оформленного в соответствии

⁷ Изменение регулятивных приоритетов в части управления рисками оказало серьезное воздействие на расстановку приоритетов на микроуровне: согласно совместному исследованию аудиторской и консультационной компании *Ernst&Young* и Института международных финансов (*Institute of International Finance, IIF*), около 96% финансово-банковских институтов, включенных в исследование, подтвердили разработку специальных мер, ограничивающих их аппетиты к операциям с инструментами повышенного риска.

с законодательством других стран⁸, необходимого для урегулирования в глобальном контексте, а сами банки для этих целей должны сформировать особый буфер капитала⁹, который облегчил бы вопросы урегулирования посредством правовой синхронизации. При этом, как видится, экспертам еще предстоит оценить, насколько дополнительное отвлечение собственных ресурсов банков окажется оправданным с точки зрения осуществления самой идеи межгосударственного урегулирования гипотетической несостоятельности, принимая во внимание, что разрабатываемые банками программы урегулирования не всегда отвечают требованиям регуляторов страны их регистрации. Кроме того, необходимо будет понять, в какой степени указанное регулятивное нововведение в части дополнительного буфе-

ра окажет влияние на снижение кредитного потенциала банков.

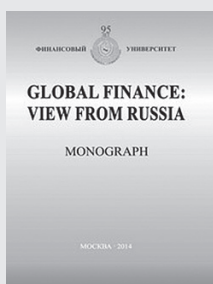
ЛИТЕРАТУРА

1. *Arnold B., Borio C., Ellis L. Moshirian F.* Systemic risk Basel III, global financial stability and regulation. // *Journal of Banking & Finance*, 2012, 36 (12), pp. 3125–3132.
2. *Caruana J.* Consistent regulatory implementation to keep markets integrated. Panel discussion: Regulatory landscapes". Bank for International Settlements, 2013 International Monetary Conference, Shanghai, 3 June. URL: <http://www.bis.org/speeches/sp130606.pdf> (access as of 15.10.2014).
3. *Piggott C.* Carney calls for global standard on bail-in liabilities // *Global Risk Regulator*, 2014, 12 (5), pp. 1, 4–5.
4. *Piggott C.* US rejects global bank regulation. // *Global Risk Regulator*, 2014, 12 (4), pp. 18–24.

⁸ На данном этапе регулятивной реформы планируется распространение синхронизации на регулятивные пространства Великобритании, ЕС (страны Еврозоны), США и Швейцарии.

⁹ *Concern loss-absorbing capital.*

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Global finance: view from Russia: monograph/ed. Dr. of Economic Sciences, Prof. I. Yarygina. М.: Financial University, 2014. 104 p.

Глобальные финансы: взгляд из России: монография / под ред. И.З. Ярыгиной. М.: Финансовый университет, 2014. 104 с.

ISBN 978–5–7942–1156–6

The monograph is dedicated to the assessment of contemporary problems of the international financial relations of globalized economy. The main focus is made on the challenges for the Russian Federation in global finance.

The book can be of an interest to the participants of the international economic relations, professors, post graduates. Students of economic and financial faculties. Text of the chapters preserve the authors original version.

В монографии рассматриваются актуальные проблемы развития международных валютных, кредитных и финансовых отношений в условиях глобализации мировой экономики. Основное внимание уделяется оценке перспектив участия Российской Федерации в глобальных финансах.

Монография представляет интерес для участников мирохозяйственных связей, аспирантов, преподавателей, студентов экономических и финансовых специальностей.

Источник: <http://www.fa.ru/dep/up/catalog/Pages/new.aspx>